УДК 821.161.1

DOI 10.17238/issn1998-5320.2017.28.20

О. В. Леушина,

Омский государственный педагогический университет

РОЛЬ БАЛЛАДЫ А. С. ПУШКИНА «ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...» В ПОЭТИКЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Рассматривается литературоведческая проблема включения пушкинского текста одной из версий баллады «Жил на свете рыцарь бедный...» в поэтику романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Изучением данного проблемного вопроса в литературе занимались С. М. Бонди, И. З. Сурат, Р. В. Иезуитова. В статье делается вывод о том, что Ф. М. Достоевский часто размышлял о тайне и недосказанности пушкинского текста, приводятся примеры из подготовительных материалов к роману «Идиот» и «Записей к "Дневнику писателя"». Исходя из подобных выводов формулируются параметры анализа поэтики романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с позиции сопоставления с текстом пушкинской баллады. Процесс сопоставления предполагает целостный системноструктурный анализ поэтического текста А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...», который Достоевский включил в роман со своим толкованием. Роль баллады в поэтике романа Достоевского во многом заключается в том, что в пушкинском тексте мы видим описание одной сильной линии, которая также лежит в основе романа «Идиот». Эта ведущая линия заключает в себе целостность христологической идеи. Проведённое исследование имеет значение для теории и практики преподавания литературы в школе и вузе.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, системно-структурный анализ, «Жил на свете рыцарь бедный...», баллада, «онегинский» автограф, «библиотечный» автограф.

Включение пушкинского текста «Жил на свете рыцарь бедный...» в поэтику романа Ф. М. Достоевского «Идиот» представляет собой литературоведческую проблему, которая на настоящий момент мало изучена. Согласно исследованиям С. М. Бонди, «стихотворение Пушкина о бедном рыцаре ("Жил на свете рыцарь бедный...") существует в двух резко отличающихся друг от друга редакциях: краткой (в качестве песни Франца в так называемых "Сценах из рыцарских времён") и распространённой (как отдельное самостоятельное стихотворение – "Легенда", "Баллада о рыцаре, влюблённом в деву"). Песня Франца, не напечатанная при жизни Пушкина, была опубликована в год его смерти в "Современнике" и сделалась одним из самых знаменитых стихотворений Пушкина, особенно после того, как Достоевский включил её в своего "Идиота" со своим толкованием» [1, с. 660].

В качестве основных выводов, в статье «Стихи о бедном рыцаре» учёный отмечает, что вторая редакция баллады («онегинский» автограф) в сравнении с первой редакцией стихотворения («библиотечный» автограф) представляет собой «цензурную переделку», при этом единого, бесспорного «канонического» текста нет и не может быть по самому положению» [1, с. 668].

Продолжая мысль автора, «всякий выбранный нами текст <...> будет иметь лишь относительную "окончательность". По существу же здесь единого текста нет вовсе, и полное понимание стихотворения даёт только обращение ко всей истории его создания, длительному процессу, не получившему своего окончательного завершения» [1, с. 669]. **Про сходный факт говорит литературовед И. 3. Сурат:** «Пушкин ориентируется не на какой-то отдельный текст, но на целый стиль, на тип художественного мышления, и при этом настолько обобщает традиционные сюжеты, что число так называемых "источников" принципиально неисчерпаемо» [2, с. 73].

Проблема системно-структурного анализа баллады А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» («онегинский» автограф, 1829) в первую очередь попадает в зависимость от определённого историко-культурного контекста, под влиянием которого создавалось стихотворение [7]. **По словам Р. В. Иезуитовой**, многообразие тех литературных «прецедентов», к которым тяготеет баллада «Жил на свете рыцарь бедный...», «позволяет говорить о сложной совокупности различных жанровостилистических традиций, о конденсировании в ней разных литературных материалов, творчески переосмысленных в глубоко оригинальное, по-пушкински самобытное произведение» [3, с. 163].

Баллада «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829) связана с легендами рыцарских времён, библейскими и западно-средневековыми мотивами и реминисценциями. Об этом свидетельствуют образы лирических персонажей и непосредственно образ «рыцаря бедного». «В облике героя поэту важно подчеркнуть контраст внешней сдержанности и внутренней силы» [3, с. 164]. Это образ «простой»,

«духом смелый и прямой». Рыцарь точно «соткан» из воздушной материи: «С виду сумрачный и бледный» [4, с. 220]. В этих строчках ко всему читается отсылка к герою романа Достоевского «Идиот» князю Л. Н. Мышкину, который также имел облик светлый, ясный. Но свет и ясность эти были болезненными. Существовал в этом образе некий «перекос», впрочем, как и в герое баллады (слом в сознании героя после видения). Рыцарь живёт более не миром реальным, земным, умом его завладело «непостижное виденье», а сердце пронзено до глубины «впечатленьем одним», сильным чувством [7]. Рыцарь сгорает душою, становясь навеки верным Марии Деве. Так герой избирает себе тот идеал, ту мечту, которой он должен следовать, защищать сталью и странным образом верить и молиться только ей одной. Пушкин «создал образ бедного рыцаря — молчаливого и поражённого одним видением — мечтой» [1, с. 669].

Первые упоминания пушкинского текста можно встретить в подготовительных материалах к роману «Идиот». Двустишие из стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный» по тексту «Сцен из рыцарских времён» Достоевский цитирует в «Записях к "Дневнику писателя" (1876) из рабочих тетрадей 1876—1877 гг. и в романе «Бесы» [5, с. 226]. Отсылка к пушкинскому «Рыцарю бедному» проявляется также в «Дневнике писателя» за 1880 и 1881 годы. Можно говорить, таким образом, о том, что писатель часто размышлял о тайне и недосказанности пушкинского текста «Легенды», неоднократно приводил в своих записях двустишие: «Полон верой и любовью, // Верен набожной мечте» [4, с. 249]. Все эти факты позволяют утверждать, что в целом усложняется методика литературоведческого исследования поэтики романа «Идиот» с включением системно-структурного анализа баллады Пушкина.

Можно сформулировать следующие *параметры* анализа поэтики романа Ф. М. Достоевского «Идиот» с позиции сопоставления с текстом баллады:

- 1. Концепция служения идеалу (болезненная верность, преданность «набожной мечте»).
- 2. Христоподобный образ центрального героя («князь Христос», «рыцарь-аскет», «рыцарь веры»).
- 3. Христологические мотивы в поэтике романа и баллады (мотив служения, мотив отречения, аскетики, мотив двоемирия, безграничной одержимой веры в идеал, в «положительно прекрасное», мотив гибели во имя светлого образа мечты).

В качестве предложений в попытке решить поставленную литературоведческую проблему исследование поэтики романа Ф. М. Достоевского должно включать опыт целостного системно-структурного анализа баллады Пушкина. Подобное исследовательское решение имеет своей целью представить на уровне поэтики значение части для модели романа в целом. Только полный текстологический анализ, предметное изучение мотивов, вставок позволят обеспечить единство восприятия произведения.

Роль баллады в поэтике романа Достоевского во многом заключается в том, что в пушкинском тексте мы видим описание одной сильной линии, которая также лежит в основе романа «Идиот». Эта ведущая линия заключает в себе целостность христологической идеи, проявляющейся по мере восстановления христологического контекста творчества писателя.

В романе «Идиот» активны два мира, две сюжетные силы (христология и эсхатология) и развёртывающие их мотивы, названные соответственно христологические и эсхатологические. Одна линия утверждает духовный идеал и концепцию человека, а другая показывает утрату гармонии, саморазрушение, гибель. Анализ баллады позволяет в большей степени понять христологический план поэтики романа, проследить аналогии с текстом, выступающие как часть одной и той же мысли, только прочитываемые на более глубоком уровне – уровне архитектоники и текстологии романа.

Следует начать с положения о том, что основное содержание стихотворения Пушкина разворачивается в сюжете «Идиота». Способ прорисовывания характера главного героя схож в балладе и в романе. Характерны бледные, почти прозрачные черты внешнего облика в соединении с редкими качествами прямодушия. И «рыцарь бедный», и князь Мышкин чувствительны, их переживания порой слишком болезненны, что выявляет исключительность героев, подобие их образа романтической мечте [7]. Трепет перед христологическим образом Марии Девы в балладе и эпизод с Мари в тексте романа служит проявлением чувств героев. Происходит обретение идеи, светлого образа мечты. Между тем идеал не вмещается и не встраивается в равномерное течение жизни. Повествовательные линии перемежаются с лирическими, текст романа становится динамичнее, драматичнее, усложнение идёт и на структурно-жанровом уровне. Эпическое переходит в лирическое, мотивы любви и печали, верности и привязанности к высшим материям сменяются мотивами гибели и предела мира, «откуда нет возврата». Кроме того, лирические фрагменты можно увидеть и в монологах, и в описании

ранимой души князя. Лирическое и эпическое приходят в столкновение жанров, напоминающее родовое смешение и тяготение романной жанровой формы к драме.

Странный «герой-идеалист» или «рыцарь, давший клятву идеалу», обрекают себя на вечную скорбь и, в конце концов, гибель. Уходя вслед за идеалом, который в мире, где действуют устойчивые физические законы, невозможен, а следовательно, невозможен и такой идеальный образ, как князь Мышкин, или рыцарь-аскет, герой, который верит и верит до самого конца своему идеалу, будь то образ Марии Девы или христологический «первообраз», обречён, фаталистичен его путь. Сохраняется также последовательность событий в пушкинском тексте и в романе Достоевского, подтверждением тому может служить параллель с «видением», символизирующим мечту об идеале, в балладе и встреча князя с Мари (эпизод первоначальной встречи с образом духовной любви). Христианский контекст романа усложняет идею не просто поклонения женщине, а поклонения духовной любви. Срастаются западноевропейская и христианская традиции, поскольку истинную любовь можно обрести только после смерти (западная рыцарская лирическая традиция).

Само произведение может разворачиваться более глубоко как в лирическом, так и в эпическом направлениях. События в романе то ускоряются, то как будто «пробарахтываются». Баллада сокращена, многое в ней недоговорено. В романе, напротив, многое разворачивается, лирическое и повествовательное оказываются взаимодополняемы. Главное в балладе - герой, все события же «редуцированы». В романе ведущий вопрос – герой и мир. Действия расписаны так, что более выписан мир окружающий, а проблема противостояния героя и мира является центральной. Двойственная природа включения текста баллады «Жил на свете рыцарь бедный...» отражается и в двояком толковании стихотворения героями романа. Образ серьёзного «рыцаря бедного», рыцаря-аскета, героя из текста легенды, непредставимого в жизни и потому нелепого, как «Дон-Кихот», совмещается с проявлением со стороны Аглаи злой насмешки, которую князь сознательно не замечает, не позволяя всё переключить в пародийный план. Композиционное пересечение баллады и романа усложняют жанровую модель обоих произведений. Проблема включения пушкинской баллады создаёт перспективы для новеллизации, с одной стороны, и усиления лирического начала – с другой. Лиризм переходит у Достоевского в явление психологизма, а новеллистическое начало разворачивается через экстенсивный сюжет. Для процесса анализа произведения важен контекстуальный подход, предполагающий знание стиля, эпохи, основных метасюжетов. Таким образом, сложность контекста порождает сложность художественного текста. Роман «Идиот» напоминает глубокое жанровое «сращение», для которого характерно содержание «спектра» лирических и эпических мотивов и тем.

Достоевский в своём втором романе великого «пятикнижия» представляет нам соотносимый с пушкинским замысел героя, пронзённого единственно одним видением и привязанностью к красоте и непостижимости этого образа, этого «видения-мечты» [7]. Следует отметить, что в тексте романа Достоевского приведён сокращённый вариант баллады 1835 года, который имеет всего восемь строф. По словам Бонди, «в нём уничтожено всё сюжетное содержание <...>, в нём недоговорено, в чём состояло видение, посетившее рыцаря, опущен рассказ о борьбе за душу умирающего <...>, законченная "баллада" превращена в своего рода "очерк", характеристику, произведение, из-за некоторой неясности содержания и незавершённости, отрывочности формы создающее впечатление какой-то тачнственности и символичности» [1, с. 665]. В настоящей статье анализируется «онегинский» автограф стихотворения, более полный в сравнении с вариантом 1835 года, однако отличающийся от первой редакции. Проделанный поэтом долгий путь переработки стиха, согласно выводам Бонди, не имел итогового единого текста [7].

Главной темой стихотворения Пушкина (1829) становится «образ печального рыцаря, единый и цельный, напряжённый» [1, с. 670]. Переживание этого идеала рисует перед нами Пушкин, используя яркую метафорику, образность высокого поэтического слога [7]:

Проводил он целы ночи Перед ликом Пресвятой, Устремив к Ней скорбны очи, Тихо слёзы лья рекой [4].

В приведённом стихотворном отрывке воплощается идея служения. Эта идея, точно «навязчивая мысль», проходит через всё произведение. Быть верным Матери Божьей рыцарь поклялся до гроба. Рыцарь осознал свою «несбывшуюся», осветив этой мечтой свой путь на всю оставшуюся жизнь [7].

Непосредственно приступая к анализу баллады Пушкина, следует указать, что вся её форма нацелена на развитие приёмов поэтической повествовательности. Единый вид рифмовки (перекрёстной), использование строгого чередования разностопного хорея позволяет утверждать, что баллада обладает на структурном и композиционном уровнях идеей архитектурности, живой симметрией стиха [7]. В отличие от метрического рисунка текста стихотворения первой редакции для второй редакции характерно меньшее число пиррихиев (36), что текстологически структурирует, уплотняет стихотворную «массу», лишая её подчас «мягкости», «текучести», превращая звучание в чистую «механику» метра. Таким образом, «ритмообраз» [6, с. 45] баллады становится более строгим. Подобное явление проявляется и в жёстком ритме концевых пауз, точной соотносимости рифмовки, чередовании мужской и женской клаузул. Кроме того, ритмико-композиционная структура произведения предполагает равность и в смене трёх- и четырёхстопного хорея. Между тем, история создания стихотворения, множество автоцензурных исправлений, которые производил поэт, добиваясь идеального воплощения своего замысла, служат подтверждением кажущейся простоты этого совершенства строк, рифмовки и клаузул [7].

Стихотворение написано четверостишиями, всего их четырнадцать. В первой строфе представлено традиционное для жанра описание героя, очерчен его внешний и внутренний образ. Жизнь сердца для рыцаря важнее и понятнее жизни ума [7]. Для героя его мечта — не иллюзия. Обращённость героя к миру мечты является характерным для баллады. В третьей строфе рыцарь впервые увидел идеал — «Марию Деву, Матерь Господа Христа» [4]. Далее герой внутренне незримо даёт обещание с этих пор и до гроба не изменять своей мечте, при этом расширяется градация образов и мотивов (мотив отречения, аскетики): «...ни с одною молвить слова не хотел», «...стальной решётки», «Он с лица не подымал», «И себе на шею чётки вместо шарфа привязал», «Странный был он человек» [4]. Как отмечает Иезуитова, «рыцарь принимает этот обет навсегда, как бы подчёркивая этим невозможность осуществления своих стремлений» [3, с. 166]. В седьмой строфе разворачивается картина вечной преданности рыцаря лику Пресвятой. Картина эта гиперболична, возвышенна: «Устремив скорбны очи», «Тихо слёзы лья рекой», «Аче Мater Dei кровью», «Написал он на щите», «Lumen coelum, sancta Rosa!», «Восклицал всех громче он» [4].

Борьба с врагами по равнинам Палестины, угроза мусульман со всех сторон противопоставляются свету небес, которым для рыцаря стала его клятва служения Матери Божьей. Торжественность звучания темы жизни и смерти во имя идеала усиливает мысль о возвышенности и святости избранного пути. Ощущение великой жертвы рыцаря, сила его любви и веры создаётся благодаря лексике и словам «высокого» стиля, латинизмам («несть», «мольить», «мольбы», «скорбны очи» и др.). Интересным представляется мотив противопоставления жизни и смерти, Духа Святого и духа лукавого, мотив «там и здесь», антитеза ума и сердца, атрибуты религиозно-романтического образа рыцарямонаха (стальной шлем, клятва на щите, крестовые походы). Анализируя атрибуты рыцарства, которые поэт использует как художественный перифраз, можно подчеркнуть важность именно данного ряда предметов. Стальная решётка шлема, которую рыцарь «с лица не подымал» говорит о закрытом сознании героя, его одержимости идеальным, отказе от земного, аскетичности [7]. Чётки на шее – о близости к сердцу и святости своего выбора. Клятва кровью на щите – о торжественном обещании своей верности. Данные атрибуты создают дополнительный ритм и служат воплощением мотивов легендарного прошлого. Между тем перерождающий слом в сознании героя после видения можно почувствовать и на уровне цвета. До видения образ рыцаря – «сумрачный» и «бледный», после осознания своего предназначения-пути в мире героя усиливаются краски, его обыкновенное служение и роль защитника наделяются надличностным смыслом. Душа рыцаря начинает жить, и не просто жить, а сгорать. В итоге герой не выдерживает подобной силы, идеал, высокая мечта не могут уместиться в столь земном сердце, сердце человека [7].

В двенадцатой и тринадцатой строфах перед нами разворачивается попытка духа лукавого, беса, снизить, опошлить веру рыцаря. Отсюда и «сниженная» лексика («сбирался», «тащить уж в свой предел», «волочился») [7]. Последняя строфа отличается высокой эмоциональной силой и энергетической стихотворной позицией, баллада завершается далёкой надеждой о спасении [7]:

Но Пречистая сердечно Заступилась за него И впустила в царство вечно Паладина Своего [4]. Особенно следует обратить внимание на важное для композиционного строя баллады Пушкина соотношение динамики и статики, равновесие, «плавность» перехода между ними [7]. Статика связана с описанием жизни настоящего, а динамика – с изображением воображаемого, изображением идеала, борьбы и веры в него до конца (см. табл. 1).

Таблица 1

Лексический и фонетический уровни

Динамика

Глаголы: (в сердце) врезалось, сгорев (душою), устремив, (кровью) написал, мчались, восклицал (всех громче), гнала (его угроза), подоспел, сбирался тащить, заступилась, впустила.

Статика

Глаголы: жил, имел (виденье), путешествуя, видел, не смотрел, молвить (слова) не хотел, не подымал, привязал, проводил, тихо лья (слёзы), возвратясь, строго заключён.

Звуковые образы

Молчаливый, молвить слова не хотел, несть мольбы, тихо слёзы, восклицал всех громче.

Аллитерация: рыцарь бедный, простой, с виду сумрачный, бледный, прямой, врезалось, сердце, путешествуя в Женеву и т.д.

 $Accoнanc: \underline{o}_{\text{дн}\underline{o}}$ в $\underline{u}_{\text{де}}$ нь $\underline{e}_{\text{,}}$ н $\underline{e}$ п $\underline{o}$ ст $\underline{u}$ жн $\underline{o}$ е $\underline{v}$ м $\underline{v}$, гл $\underline{v}$ б $\underline{o}$ к $\underline{o}$ вп $\underline{e}$ ч $\underline{a}$ тл $\underline{e}$ нь $\underline{e}$ н $\underline{a}$ д $\underline{o}$ р $\underline{o}$ г $\underline{e}_{\text{,}}$ М $\underline{a}$ р $\underline{u}$ ю Д $\underline{e}$ в $\underline{v}$, М $\underline{a}$ т $\underline{e}$ рь Г $\underline{o}$ сп $\underline{o}$ д $\underline{a}$ Хр $\underline{u}$ ст $\underline{a}$ и т.д.

17			
· Y	ทกา	ION	10n
A 1	vor	$\iota \cup \iota \iota$	ıon

Aponomon				
Пространство		Время		
Реальное	Воображаемое	С той поры и до гроба, проводил он целы ночи, в цар-		
Жил на свете рыцарь,	Одно виденье непостиж-	ство вечно		
путешествуя в Женеву,	ное уму, видел он Ма-			
на дороге у креста, по	рию Деву, Матерь Гос-			
равнинам Палестины,	пода Христа,			
угроза мусульман со	Перед ликом Пресвятой,			
всех сторон, замок	верен набожной мечте, в			
дальный, жил он строго	свой предел, в царство			
заключён	вечно			

В центре – хронотоп двоемирия (тема жизни и смерти).

Субъектная организация

Лирический герой (повествователь).

Лирические персонажи: рыцарь бедный, Мария Дева (Пречистая), паладины, трепетным врагам (угроза мусульман), дух лукавый (бес), душа рыцаря.

Поэтический синтаксис, тропы и другие лексико-стилистические средства

Инверсия: Жил на свете рыцарь бедный – Бедный рыцарь жил на свете, Видел он Марию Деву – Он видел Марию Деву и др.

Параллелизм: С той поры, сгорев душою,//

С той поры стальной решётки.

Риторическое восклицание: Свет небес, святая Роза!

Перифраз: стальной решётки.

Метафоры: С виду сумрачный, духом прямой, в сердце врезалось ему, сгорев душою, слёзы лья рекой и др. *Особая «высокая» лексика:* молвить, подымал, несть мольбы, целы ночи, скорбны очи, встречу, именуя дам, возвратясь, подоспел.

«Сниженная» лексика: тащить, волочился, он-де, не ведал-де.

Вначале нам предстаёт картина, знакомящая с лирическим героем, его молчаливым, простым, но сильным и храбрым духом. Далее описывается «одержимость» рыцаря идеями сердца, его неведомыми видениями и впечатлениями его скрытой сердечной жизни. Это мир воображаемого, мир духа, мир клятвенного служения идеалу. Но затем, по законам композиции, снова возвращается мир реальный, в котором «возвратясь в свой замок дальный» погибает рыцарь [7]. Равновесие статики и динамики ощущается и в заключительных строчках, где вновь возвышается мир вечных тайн, «царство вечно» и паладин сердечно прощён и принят наконец в этот «дальный» идеальный мир (см. табл. 2).

Таблица 2

Жанровая трёхуровневая модель баллады А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...»

Уровень	Особенности поэтики		
Концептуальный план	Баллада, характеризующаяся легендарным началом. Представлены библейские и западно-средневековые мотивы в оригинальной авторской манере. Мотивный комплекс: служение идеалу до гроба, жизнь и смерть, двоемирие. Противопоставление Святого Духа и духа лукавого, «предела» и «царства вечного», верность «набожной мечте», дух смелый и прямой, жизнь души (с той поры, сгорев душою)		
Предметно- изобразительный план	Хронотоп – «сумеречное» пространство (смешение реального и воображаемого). Лирический сюжет – движение (по типу колебательного контура) от реального к воображаемому. Драматический сюжет. Субъектная организация – лирический геройповествователь и лирические персонажи. Образ-переживание – скорбь, печаль, вера и любовь		
Текст	Средний объём, строфическая форма: четверостишье. Рифмовка точная, перекрёстная. Поэтический синтаксис: риторическое восклицание, инверсия, параллелизм, метафорика. Фоника: аллитерация, ассонанс; тропы: метафоры, эпитеты. «Высокая» лексика, латинизмы		

Таким образом, системно-структурный анализ баллады «Жил на свете рыцарь бедный...» Пушкина позволяет не просто решить проблемный вопрос о введении данного текста в роман Достоевского «Идиот», а более полно представить роль пушкинского текста в структуре произведения. Литературная сложность данной проблемы проявляется, прежде всего, в сопоставлении двух текстов на уровнях композиционном, изобразительно-художественном и концептуальном. Анализ поэтики романа Ф. М. Достоевского подразумевает определение общих особенностей в структуре двух текстов, а именно концепцию служения идеалу, христологический образ центрального героя, христологические мотивы в поэтике романа и баллады. Все названные особенности призваны воплотить единую христологическую мысль (характерную для обоих авторов) о безграничной вере в идеал, в «положительно прекрасное».

Библиографический список

- 1. Бонди, С. М. Стихи о бедном рыцаре / С. М. Бонди // Известия Академии наук СССР. 1937. № 2-3. С. 559-677.
- 2. Сурат, И. 3. «Жил на свете рыцарь бедный...» / И. 3. Сурат. М. : «Московское культурологическое общество. Ротапринт РТИ АН СССР». 1990. 165 с.
- 3. Иезуитова, Р. В. «Легенда». Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика / Р. В. Иезуитова. Л. : Наука. 1974. С. 139–176.
- 4. Пушкин, А. С. Жил на свете рыцарь бедный... / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в 10 т. «Современник». 1837. Т. 2. С. 248–249.
- 5. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 10. / Ф. М. Достоевский. Л. : Ленинградское отделение издательство «Наука», 1982.-520 с.
- 6. Физиков, В. М. К вопросу о ритмической организации элегии А. С. Пушкина «На холмах Грузии…» / В. М. Физиков // Фольклорные и литературные исследования: современные научные парадигмы: материалы ежегодной научной конференции с международным участием (17 февраля 2012 г., Омск). Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. С. 45–48.
- 7. Леушина, О. В. К проблеме системно-структурного анализа баллады А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный...» / О. В. Леушина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. $-2016.- \mathbb{N} \ 3 \ (12).- \mathbb{C}.\ 75-82.$

O. V. Leushina,
PhD student, e-mail: olga.skyward@gmail.com
Omsk State Pedagogical University,
14, Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation

THE ROLE OF A. S. PUSHKIN'S BALLAD «THERE LIVED A POOR KNIGHT...» IN THE POETICS OF THE F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE IDIOT»

The article deals with the literary criticism issue of the inclusion of Pushkin's text of one version of the ballad "There Lived a Poor Knight..." in the poetics of the F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot". This problematic literature issue was studied by S. M. Bondi, I. Z. Surat, R. V. Iezuitova. The article concludes that Dostoevsky often pondered the mystery and incompleteness of Pushkin's text; the article also provides examples from the preparatory material for "The Idiot" novel and "Entries to the "Diary of a Writer". Reasonong from these insights the parameters for the analysis of the poetics of the F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" are formulated in the context of correlation with the text of Pushkin's ballads. The correlation process involves a holistic systemic-structural analysis of the A. S. Pushkin's poetic text "There Lived a Poor Knight...", which Dostoevsky turned into a novel with his own interpretation. The role of the ballad in the poetics of Dostoevsky's novel lies largely in the fact that we see a description of one strong line in Pushkin's text which is the basis of "The Idiot" novel. This leading line encompasses the integrity of the Christological ideas. The performed research is important for the theory and practice of teaching literature in schools and universities.

Keywords: A.S. Puskin, system-structural analysis, «There Lived a Poor Knight...», ballad.

References

- 1. Bondi, S. M. Stihi o bednom rycare. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. Moscow-Leningrad, Publ. AN SSSR, 1937, no. 2-3, pp. 559-677. (In Russ.).
- 2. Surat, I. Z. "*Zhil na svete rycar' bednyj*..., Moscow, Publ. Moskovskoe kul'turologicheskoe obshhestvo. Rotaprint RTI AN SSSR, 1990, 165, [1] p. (In Russ.).
- 3. Iezuitova, R. V. "Legenda,.. Stihotvorenija Pushkina 1820-1830-h godov. Istoriya sozdaniya i idejno-hudozhestvennaya problematika. Leningrad, Publ. Nauka, 1974, pp.139-176. (In Russ.).
- 4. Pushkin, A. S. Sobranie sochinenij: v 10 t. T.2. "*Zhil na svete rycar' bednyj...*," [Collected works in 10 vol. Vol.2. "There lived a poor knight...,]. Moscow, Publ. Sovremennik, 1837, pp. 248-249.
- 5. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. T. 10. *Idiot*. [Collected works in 30 vol. Vol.10. Idiot]. Leningrad, Publ. Nauka, 1982, 520 p.
- 6. Fizikov, V. M. K voprosu o ritmicheskoj organizacii jelegii A. S. Pushkina "Na holmah Gruzii...,.. Materialy ezhegodnoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem "*Fol'klornye i literaturnye issledovaniya: sovremennye nauchnye paradigmy,*, (g. Omsk, 17 fevralya 2012g.). Omsk, Publ. OmGPU, 2013, pp.45-48.
- 7. Leushina O. V. To the problem of systemic structural analysis of the ballad of A. S. Pushkin "once there Lived a poor knight...". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija.* 2016. no. 3 (12). pp. 75–82.

Поступила в редакцию 19.12.2016

© О. В. Леушина, 2017

Автор статьи: **Ольга Владимировна Леушина**, аспирант кафедры литературы и культурологии, e-mail: olga.skyward@gmail.com, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14.

Реиензенты:

- Е. А. Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского.
- Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.